

BRILL

JOURNAL OF CENTRAL ASIAN HISTORY

3 (2024) 91–120

JOURNAL OF
CENTRAL ASIAN HISTORY

brill.com/jcah

«Есть всё-таки что-то эротическое в происходящем на границах нашей империи»: эссе-расследование одной крылатой фразы

Сергей Абашин | ORCID: 0000-0002-4873-1596

Европейский университет в Санкт-Петербурге

s-abashin@mail.ru

Published online 29 April 2024

Abstract

The article examines a quote from the diary of the Minister of Internal Affairs of the Russian Empire, Pyotr Valuev, dedicated to the events of the summer of 1865 in Central Asia. This quote, including the phrase “There is still something erotic in what is happening on the borders of our empire,” became popular both in various academic texts and in the media sphere and turned into an oft-repeated aphorism. Sergei Abashin restores the original quote and “unpacks” the historical context in which it appeared, as well as the author’s own intentions. The article shows how the mistake of scientists when publishing Valuev’s diaries and manipulations with the quote led to various interpretations of it, far from the meaning of the original statement. The article is written in the genre of an academic research essay.

Keywords

Russian Empire – Central Asia – Far East – colonial conquest

Некоторые выражения, когда-то в прошлом произнесённые или написанные, продолжают жить и использоваться вне того контекста, в котором были произнесены или написаны. Яркие формулировки запоминаются, тиражируются, превращаются в крылатые фразы, афоризмы, символы. Их заново интерпретируют и используют как доказательство каких-то

идей и тезисов, а заодно меняются и сами эти формулировки: их обрезают или дополняют, пересказывают своими словами, а порой и вовсе переизобретают, почти ничего не оставляя от первоисточника. Разоблачение искажений и подделок, как правило, помогает уже мало, поскольку такого рода популярные афоризмы прочно закрепляются в риторике и нарративах, наделяются какой-то новой значимой ролью или функцией и сами по себе превращаются в факт реальности. Разные и даже противостоящие друг другу участники академических и политических дискуссий присваивают одно и то же прошлое и перерабатывают его по-своему, отрывая от исторического контекста и лишая прежних смыслов. (Само)обман же, который при этом часто возникает, используется – иногда невольно, а иногда преднамеренно – в качестве инструмента такого процесса.

Я расскажу об одной фразе, которая в последнее время превратилась в крылатое выражение, вошла в язык русскоязычных экспертов, журналистов, историков и быстро «гуглится» в многочисленных ссылках на разнообразные российские блоги, журналистские эссе и академические работы. Пора восстановить контекст, в котором эта фраза появилась, и исправить возникшие в ней искажения. Я не ставлю перед собой специальных исследовательских и теоретических вопросов, касающихся истории, современности или исторической памяти. События и люди, упомянутые далее в тексте, достаточно изучены и описаны в специальной литературе, поэтому моя задача лишь «сложить все пазлы вместе», соединить эти факты, представленные в разных академических традициях, в одно смысловое целое. Я ни в коем случае не претендую на создание полной исторической картины, более того – принципиально ограничиваюсь только той информацией, которая необходима для моего небольшого эссе-расследования. А оно посвящено исключительно одной фразе, которую я постараюсь реконструировать и «распаковать», поставив, надеюсь, точку в истории её возникновения.

...

Фраза, о которой пойдёт речь, в современном медиапространстве выглядит так:

«Сегодня пришло сообщение, что генерал Черняев взял Ташкент. Никто не знает, почему и зачем. Есть всё-таки что-то эротическое в происходящем на границах нашей империи», – писал госсекретарь Российской империи и действительный тайный советник Александр Половцов.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 1 Открытка книжной лавки «Листва»

ИСТОЧНИК: [HTTPS://VK.COM/WALL-61590535_30917](https://vk.com/wall-61590535_30917)

Цитируемые слова я впервые услышал в середине 2000-х годов в академической среде. Ёмкость, афористичность и, конечно, упоминание «эротического» придавало этой фразе особую пикантность и делало её запоминаемой. Потом она, иногда в сокращённой версии, всё чаще стала попадаться мне на глаза в блогах и журналистских текстах, посвящённых истории имперских завоеваний, в первую очередь тех, что происходили в Центральной Азии. Наконец, за последние два-три года я увидел, как эту цитату «постят» околополитические русскоязычные эксперты, причём с какими-то многозначительными намёками – то ли на мачизм российской политики, то ли на неизбежное российское доминирование на бывших имперских границах. Цитата окончательно превратилась в крылатое выражение, несколько смутный смысл которого чаще всего трактуется как восхищение и восторг от побед российского оружия.

Поясню фактологическую подоплёку этой фразы. В ней имеется в виду порядком подзабытое сегодня событие, произошедшее в середине июня 1865 года в Центральной Азии. Его ещё сто с лишним лет назад подробно описал М. А. Терентьев в своём фундаментальном труде «История завоевания Средней Азии».¹ После окончания Крымской войны в Петербурге было принято решение «развернуться в Азию» и возобновить активную наступательную политику на южных и восточных границах империи. В 1861–1862 годах российские войска одержали ряд побед над военными силами Кокандского ханства. В 1864 году Западно-Сибирский отряд, которым командовал полковник Михаил Григорьевич Черняев, с небольшими потерями взял штурмом города Аулие-ата и Чимкент (нынешние Тараз и Шымкент в Южном Казахстане), а осенью 1864 года приблизился к Ташкенту, одному из крупных центральноазиатских городов, населённому почти сотней тысяч жителей, – важному центру на перекрёстке торговых путей. Предпринятый тогда штурм города закончился неудачей, Черняев, к тому времени уже генерал-майор, отвёл войска. В начале 1865 года из занятых разными отрядами земель была образована Туркестанская область в составе Оренбургского генерал-губернаторства, во главе её встал Черняев, которому было поручено обустраивать и защищать новую российскую территорию.

Весной 1865 года предприимчивый начальник области опять двинул войска на Ташкент. На этот раз осада была подготовлена более тщательно: Черняев приказал блокировать город и лишил его поступления воды из основной артерии – реки Чирчик. В июне, 15-го числа (27-го по григорианскому календарю), начался второй штурм силами двухтысячного отряда, и уже через два дня город был захвачен. Успех, несмотря на значительный численный перевес противника в живой силе, был достигнут быстро и с небольшими потерями – 25 погибших и 89 раненых.² Впрочем, Ташкент сдался не столько из-за военного превосходства победителей, сколько из-за конфликта между Кокандом и Бухарой по поводу принадлежности этого города. Разделившийся на разные партии, город

1 М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*. Том 1 (Санкт-Петербург: Типография В. В. Комарова, 1906): 260–321. См. также: “Извлечения из донесений генерала Черняева 1865–1866 гг.” *Русский Туркестан*. Выпуск III: Приложения. [Ташкент: Типография «Русский Туркестан», 1899]: 84–98; Н. А. Халфин, *Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.)* (Москва: Наука, 1965): 138–201; A. Morrison, *The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914* (Cambridge: Cambridge University Press, 2020): 216–254; D. MacKenzie, *The Lion of Tashkent: The Career of General M. G. Cherniaev*. ([Athens]: University of Georgia Press, 1974): 51–66.

2 Терентьев, *История завоевания*: 306–321.

не мог координировать сопротивление, поэтому российские солдаты, более организованные и лучше вооружённые, не встретили здесь больших преград. Черняев писал Александру II: «С покорением Ташкента мы приобрели положение в Средней Азии, сообразное с выгодами Империи и мощью русского народа».³ В ответ император наградил его золотой саблей с бриллиантами. (К слову, у К. К. Абазы в этой фразе вместо «выгод» упоминается «достоинство»,⁴ в результате оба варианта цитируются разными авторами как подлинные.)

Российское общество, узнав об этой победе, ликовало. Она стала одним из тех событий, которые восстанавливали репутацию империи в качестве мировой державы после унижительного поражения в Крымскую войну и шквала критики из-за Польского восстания. Занятие Ташкента широко открыло перед Россией двери в новый обширный регион с древней историей и огромными ресурсами. Позже последовали новые военные операции: в Самарканде, Хиве, Коканде и Геок-тепе, Кокандское ханство было ликвидировано и вошло в состав нового Туркестанского генерал-губернаторства, Бухарский эмират и Хивинское ханство стали российскими протекторатами. Но это было потом. Падение же Ташкента, который со временем превратился в столицу всего Туркестана и затем Узбекистана, в «город хлебный», в центр культуры, науки и туризма, стало начальным и потому главным событием в исторической памяти о завоевании Центральной Азии и вхождении её в состав Российской империи.

Вернусь к цитате, приписываемой Половцову. Она производит двойственное впечатление. В самом деле, каково отношение её автора к новости о военном успехе Черняева? С одной стороны, «никто не знает, почему и зачем» был захвачен Ташкент, и здесь слышится критика необдуманности действий генерала. С другой стороны, «есть всё-таки что-то эротическое в происходящем на границах нашей империи», а это в современном русском языке может прочитываться как «что-то возбуждающее», имеющее скорее оттенок одобрения. Если «погуглить» фразу в разных текстах, то можно найти разные её смыслы и способы употребления: кто-то ссылается на неё, чтобы выразить восхищение прошлыми победами Российской империи и вспомнить её героев;⁵ кто-то, чтобы провозгласить нынешнюю неизбежность «запрограммированного расширения

3 «Извлечения из донесений генерала Черняева»: 91.

4 К. К. Абаза, *Завоевание Туркестана* (Санкт-Петербург: [Без изд.], 1902): 101.

5 М. Калишевский, «Инициатива генерала Черняева. К 145-летию «Взятия Ташкента»», 23.06.2010. <https://www.fergananews.com/articles/6628>.

России и возврата ранее утраченных территорий»;⁶ кто-то, наоборот, чтобы доказать нерациональность имперских завоеваний и отметить «нашу» «эротическую странность – иметь ненужное»;⁷ а кто-то многозначительно играет такой двусмысленностью, не давая однозначных оценок.⁸ Столь различное использование цитаты, видимо, только укрепляет её афористичность, отрывая само высказывание от Центральной Азии и даже от истории XIX века и превращая в удобный риторический инструмент для любых обобщений на тему российской экспансионистской внешней политики. Причём слово «эротическое» становится в этой крылатой фразе ключевым, оно эмоционально усиливает и украшает эти рассуждения, привнося в них пикантность и привлекая внимание (см. илл. 1).

Но что же имел в виду сам автор столь противоречивого высказывания? Для выяснения этого обратимся к его биографии и к тому контексту, в котором он записал свои мысли.

1 Половцов или Валуев?

Александр Александрович Половцов (Половцев, 1832–1909) был известной и значимой фигурой в Российской империи.⁹ В 1885 году ему был присвоен чин 2-го класса – действительного тайного советника, в 1883–1892 годах он занимал важную должность государственного секретаря, то есть возглавлял государственную канцелярию при Государственном совете, главном законосовещательном органе при императоре до реформы 1905 года. Эта должность означала близость к царскому двору, к институциям, где принимались решения о тех или иных политических действиях, хотя сама позиция государственного секретаря и не подразумевала непосредственного участия в повседневной государственной политике и управлении.

И вот здесь-то и возникает первая несостыковка в популярной цитате, гуляющей сегодня в российских блогах. Пик карьеры Половцова приходится на эпоху правления Александра III, а в 1865 году он хотя уже и делал быструю карьеру, но занимал пока ещё не слишком значительную позицию в одном из департаментов Сената, высшего судебного института

6 А. Дубровский, «Шутки кончились, время активировать инстинкт самосохранения Запада», 25.04.2022. <https://worldcrisis.ru/crisis/4062568?ysclid=lrhs2s7yq9275756867>.

7 «Окраины России», 16.05.2023. <https://troitsai.livejournal.com/2954230.html>.

8 М. Симоньян, 09.02.2020. @M_Simonyan.

9 П. А. Зайончковский, «А. А. Половцов. Биографический очерк» в А. А. Половцов, *Дневник государственного секретаря: В 2 т.* Том I (Москва: Наука, 1966): 7–20.

империи, и никак не мог в тот момент принадлежать к её высшей элите. Такая поправка снижает значение того, что он говорил и писал в начале 1860-х годов, делает его высказывания всего лишь частным мнением, которое вряд ли отражает настроения в высших эшелонах правительства империи.

Существует и вторая несостыковка. Да, в 1860-е годы Александр Александрович вёл дневник и мог бы написать что-то подобное, даже не будучи высшим чиновником. Однако, предприняв исследование его опубликованных дневников, несложно убедиться, что завоевание Центральной Азии Половцова совсем не интересовало и процитированной фразы в записях за 1865 год нет.¹⁰ Вероятность того, что эта заметная фраза по какой-либо случайности выпала из публикации, практически нулевая, а потому можно утверждать, что Половцов вовсе не был автором данного высказывания.

Истинный автор быстро обнаруживается среди тех имперских высших чиновников XIX века, кто оставили после себя дневники. Не слишком долгие поиски приводят нас к действительно тайному советнику, занимавшему в 1861–1868 годах одну из ключевых должностей в империи, – к министру внутренних дел Петру Александровичу Валуеву (1814–1890).

В 1961 году под редакцией историка П. А. Зайончковского были опубликованы дневники Валуева 1860-х годов. В записи от 20 июля (1 августа по григорианскому календарю) 1865 года министр сначала рассказывает, как проходило принятие церковно-гражданской и военной присяги 16-летнего цесаревича Александра Александровича, будущего Александра III. Отдельно описывая внешний вид императрицы Марии Александровны, супруги Александра II, Валуев отмечает её «безжизненность», имея в виду, вероятно, недавнюю смерть её старшего сына Николая, который считался наследником престола. Заключительный же абзац записи за этот день в опубликованном дневнике выглядит так:¹¹

Ташкент взят ген. Черняевым. Никто не знает, почему и для чего. Между тем по телеграфу получено от ген. Крыжановского на основании настояний Черняева требование заарестовать все бухарские караваны, товары и пр. Министерства финансов и военное недоумевают. Есть нечто эротическое во всём, что у нас делается на отдалённой периферии империи. Амур, Уссура, теперь Ташкент.

10 А. А. Половцов, *Дневник. 1859–1882: В 2 т.* Том 1 (Москва: Фонд «Связь эпох», 2022).

11 *Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел: В 2 т.* Том II (Москва: Издательство Академии наук СССР, 1961): 60–61.

Итак, можно сделать два промежуточных вывода. Первый: автор популярной цитаты окончательно установлен. Это не Половцов, а Валуев, не будущий государственный секретарь, а действующий на тот момент, в 1865 году, министр внутренних дел. В последнее время это недоразумение уже стало известным в медиапространстве и более внимательные блогеры и журналисты, не говоря об учёных, правильно называют имя настоящего автора цитаты.

Второй вывод: цитата, которая гуляет по страницам блогов и популярных текстов, хотя и угадывается легко и без всяких сомнений в оригинале, в точности ему не соответствует. В нём вместо слов «Сегодня пришло сообщение, что генерал Черняев взял Ташкент» сказано просто: «Ташкент взят ген. Черняевым». Информация о взятии Ташкента достигла Петербурга в первой половине июля по старому стилю, поэтому 20 июля никак не могло быть «сегодня». Далее, вместо слов «почему и зачем» мы видим в оригинале «почему и для чего». И наконец, вместо «Есть всё-таки что-то эротическое в происходящем на границах нашей империи» – «Есть нечто эротическое во всём, что у нас делается на отдалённой периферии империи». Текст, опубликованный в академическом издании, оказывается более конкретным. Так, энергичное слово «делается» отчётливее указывает на деятельность военных и политиков, чем более нейтральное, неопределённое «происходит». Слово «периферия» даёт понять, что речь идёт о конкретной далёкой территории, а не вообще обо всех «границах» империи. Кроме того, из оригинального рассуждения, включающего шесть предложений, выпали целых три – третье, четвертое и шестое – с описанием опять-таки конкретных исторических деталей.

Когда и каким образом цитата, опубликованная в 1961 году, претерпела все указанные изменения и была приписана Половцову, теперь установить трудно. Видимо мы имеем дело с чьей-то персональной ошибкой. Благодаря медийному эффекту массового некритического копирования ошибка эта приобрела характер подлинности. Отмечу лишь, что в медийной версии из фразы исчез почти весь конкретный контекст, кроме констатации «взятия» Ташкента. Такая трансформация не только усиливает афористичность цитаты, но и расширяет возможности манипулирования ею.

Прежде чем перейти к содержанию дневниковой записи, стоит сказать чуть больше о самом Валуеве.¹² Он был заметной фигурой в российской элите в середине и второй половине XIX века. Есть мнение, что с

12 А. Э. Гетманский, «Пётр Александрович Валуев». *Вопросы истории* 6 (2002): 58; П. А. Зайончковский, «П. А. Валуев (биографический очерк)» в *Дневник П. А. Валуева*. Том I: 17–54.

него Пушкин написал портрет Гринёва из «Капитанской дочки», а Лев Толстой – Каренина в «Анне Карениной». В молодости Валуев входил в круг продвинутой аристократической молодёжи и быстро делал карьеру, отличался бюрократическим умением составлять доклады и записки, а также находить общий язык с различными неформальными политическими партиями в высшей власти. После нескольких лет работы в западных регионах империи он стал подниматься по административной лестнице в столице, а в 1861 году был, неожиданно для многих современников, назначен на ключевые должности в империи – статс-секретаря, управляющего Министерством внутренних дел, а потом и его министра. Под началом Валуева находилась вся система управления империи, особой же его задачей оказалось проведение в жизнь крестьянской и земской реформ после отмены крепостного права. Он был сторонником ужесточения цензуры и выступал за активную русификацию украинцев и белорусов. За ним закрепилась слава умелого бюрократа, фразёра и умеренного политика без определённых идеологических предпочтений, лавирующего между разными влиятельными группами во власти, – поэтому в историографии одни называли его либералом, а другие – консерваторм. Покинув должность министра внутренних дел в 1868 году, Валуев не потерял связи с государственной властью, состоял в различных комиссиях и комитетах, управлял Министерством государственных имуществ и возглавлял Комитет министров, но при Александре III, который его не жаловал и называл «Краснопевцевым», был обвинён в административных ошибках и прежнее влияние утратил.¹³ Последние годы жизни Валуев посвятил литературной деятельности.

Это была значимая личность эпохи Великих реформ. Ещё до назначения на должность министра Валуев стал известен своей рукописной запиской «Дума русского». В ней он критиковал среди прочего отсутствие единой политики в империи: «Управление доведено, по каждой отдельной части, до высшей степени централизации; но взаимные связи этих частей малочисленны и шатки».¹⁴ Одной из главных политических идей Валуева в период, когда он возглавлял МВД, была реорганизация системы управления. В 1861 году он подал Александру II записку «Общий взгляд на положение дел в Империи с точки зрения охранения внутренней безопасности государства», в которой высказался за «более тесную взаимную связь между действиями разных ведомств» и за придание

¹³ Зайончковский, «П. А. Валуев»: 44.

¹⁴ П. А. Валуев, «Дума русского (во второй половине 1855 года)». *Русская старина* 5 (1891): 355.

«направлению этих действий более единства».¹⁵ Предложенный проект включал в себя повышение значения Комитета министров и усиление роли его председателя. В 1863 году Валуев подготовил проект преобразования Государственного совета в представительный орган, то есть фактически призвал к созданию конституционной монархии. Его, как и многих других реформаторов 1860–1870-х годов,¹⁶ беспокоило отсутствие единой стратегической политики в империи, когда каждый министр или генерал-губернатор преследовал собственные политические интересы, используя при этом свои личные связи с императорским двором. Александр II отверг предложенные Валуевым реформы. Тем не менее тот, судя по его дневнику, продолжал постоянно критически оценивать и характеризовать несогласованные и порой хаотичные действия правительства и чиновников.

2 Ташкент и бухарские купцы

Вернёмся к крылатой фразе, составляющей главный объект данного расследования, и попробуем реконструировать контекст, в котором всё это рассуждение было сформулировано. Слова второго предложения – «Никто не знает, почему и для чего» – отражают острый характер дискуссии, развернувшейся в начале 1860-х годов по поводу политики Российской империи в Центральной Азии, в частности по вопросу завоевания Ташкента. Эту драматическую дискуссию в высших эшелонах власти описывает в одной из своих статей П. А. Зайончковский, издатель дневников Валуева.¹⁷

Высшие чиновники разошлись во мнениях о целях военного продвижения в регион. Одни считали такое завоевание необходимым, другие были против, ссылаясь на большие расходы и возможные осложнения в международных делах. Министр финансов убеждал, что «расширение пределов

15 «Записка П. А. Валуева Александру II «Общий взгляд на положение дел в Империи с точки зрения охранения внутренней безопасности государства» в *Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX – начале XX вв. Документы и мемуары государственных деятелей*. Составитель Л. Е. Шепелёв (Санкт-Петербург: Спас, Лики России, 2007): 135.

16 См. подробнее: А. В. Ремнёв. *Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века)* (Москва: РОССПЭН, 2010).

17 П. А. Зайончковский, «К вопросу завоевания Средней Азии» в *Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка* (Москва: РОССПЭН, 2008): 36–95. См. также: Халфин. *Присоединение Средней Азии: 186–196*.

России в странах, отдалённых от центра и притом пустынных или населённых дикими народами, увеличило бы затруднения Правительства, и без того уже обременённого неотложными заботами».¹⁸ В 1863 году влиятельный и энергичный военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин добился принятия правительством и одобрения Александром II формулировки решения, хотя и не приветствующего военные действия, но не исключающего их. Милютин настаивал на продвижении в Центральной Азии ближе к границам Индии, рассматривая регион как плацдарм для угроз в адрес Британии на случай возможной войны с ней из-за Польского восстания. Формально придерживаясь осторожных планов, военный министр неформально поощрял подчинённых к решительным шагам. Позже он писал в воспоминаниях: «Требую от местных начальников соблюдения по возможности даваемых им инструкций и указаний, я вместе с тем находил вредным лишать их вовсе собственной инициативы... подобные отступления от программы в частностях не противоречили общей цели и действительно оправдывались необходимостью».¹⁹

Черняев, предпринимая свой первый штурм Ташкента в 1864 году, понимал противоречивые настроения в Петербурге и надеялся, что собственной решительностью заставит сомневающихся уступить. В этот момент главными противниками расширения военных действий в Центральной Азии были министр финансов Михаил Христофорович Рейтерн и министр иностранных дел Александр Михайлович Горчаков. В 1864 году мид даже выпустил официальное заявление-меморандум для иностранных держав о планах России в отношении её южных соседей, где, отстаивая право империи на умиротворение последних, всё же обещал сдерживать экспансию в их сторону: «... интересы безопасности границ и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями <...> Отсюда необходимость далёких, продолжительных, периодических экспедиций против врага ...», при этом «... крайне важно <...> избежать опасных и почти неизбежных увлечений, которые могли бы, от возмездия к возмездию, привести к безграничному расширению».²⁰

18 Зайончковский, «К вопросу завоевания»: 39–40.

19 *Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864* [далее – *Воспоминания Милютина*] (Москва: РОССПЭН, 2003): 520.

20 Ф. Ф. Мартенс, *Россия и Англия в Средней Азии* (Санкт-Петербург: Э. Гартье п/ф Кн. кл. «Рос. библиографа», 1880): 22, 28.

Тем не менее даже Горчаков, как и другие министры, не исключал новых военных операций в случае угрозы для вновь созданной Туркестанской области со стороны Коканда или Бухары.²¹ Милютин же и вовсе не был согласен «связывать себе руки в дальнейших действиях».²² Петербург определил последующую стратегию действий начальника области Черняева как оборонительную, но оставил ему право вмешаться в ситуацию, если конфликты между разными ташкентскими партиями обострятся и возрастет нестабильность на новой российской границе. Оренбургский генерал-губернатор Николай Андреевич Крыжановский недвусмысленно указал своему подчинённому: «... как везде, а в Азии в особенности, прочная оборона нередко достигается смелым наступлением».²³ Второе нападение Черняева на Ташкент хотя и нарушало запрет Петербурга, но соответствовало этому общему настроению наступательной защиты. Нерешённым на тот момент оставался лишь вопрос, что лучше: оставить Ташкент в качестве самостоятельного ханства-протектората или всё же включить в состав империи?²⁴ Позже был принят второй вариант.

Стоит обратить внимание ещё на третье и четвертое предложения в оригинале дневниковой записи Валуева, которые в афористической версии цитаты обычно опускаются. В этих предложениях российский чиновник пишет уже не столько о взятии Ташкента, сколько о дальнейших событиях и действиях Черняева. Причём именно здесь Валуев кратко разъясняет главный пункт своей критики. Даже больше, чем несанкционированное взятие Ташкента, его удивляет и возмущает поведение начальника Туркестанской области, который тут же, не успели остыть пушки, пошёл на резкое и рискованное обострение отношений с Бухарским эмиратом в ущерб интересам России.

Достаточно подробное описание происходившего мы находим опять же в книге Терентьева.²⁵ Выше я упоминал, что Ташкент был предметом кокандско-бухарских споров. Поражение же, нанесённое Черняевым кокандским войскам, и гибель в бою их влиятельного и решительного военачальника Алимкула резко ослабили Кокандское ханство и развязали руки Бухаре. Бухарский эмир Музаффар собрал войско и занял

21 Зайончковский, «К вопросу завоевания»: 53–54.

22 *Воспоминания Милютина*: 521.

23 Зайончковский, «К вопросу завоевания»: 54.

24 Халфин, *Присоединение Средней Азии*: 201–214.

25 Терентьев. *История завоевания*: 322–324. См. также: Халфин. *Присоединение Средней Азии*: 214–215; А. Г. Серебрянников, *Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1865 год*. Часть 2 (Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1914): 13–16, 20–22, 33–34, 37–38, 54, 72, 153, 192.

сначала принадлежащий ханству город Ходжент (нынешний Худжанд на севере Таджикистана), а потом и сам Коканд. Одновременно от его имени было послано письмо Черняеву и российскому правительству с требованием отвести войска от Ташкента и начать переговоры о границе между Российской империей и эмиратом. В ответ Черняев в конце июня отдал приказ задержать всех бухарских купцов в подчинённой ему Туркестанской области, и то же самое в июле сделал Крыжановский в Оренбургском генерал-губернаторстве. Всего было арестовано 138 человек, после чего бухарский эмир задержал у себя российских купцов, и в результате вся торговля между двумя государствами была парализована. Посыпались жалобы российских купцов на «необдуманность и опрометчивость» предпринятого Черняевым шага, Горчаков назвал это решение «дикой мерой». Терентьев позже, воспроизводя мнение Петербурга об этой ситуации, писал: «Нанося удар бухарской торговле, мы, в сущности, наносили удар собственным интересам, или, что называется, “били по собственному карману”. Конкурируя с англичанами, мы, однако же, сами толкали бухарцев в их объятия. И если бы ещё мы снабжали Бухару предметами первой и неотложной необходимости, лишение которых могло бы подействовать на возбуждённые страсти, как благотворная диета, – тогда бы ещё куда ни шло, но этого нет».²⁶ Однако военный министр, хотя и сам видел минусы таких действий, встал и в этом случае на сторону Черняева, считая принятую им меру вынужденной и необходимой.

Последующие события выходят за рамки данного расследования. Могут лишь упомянуть, что эмир Музаффар и его советники, не сумев взять под полный контроль Кокандское ханство, не решились идти на военное столкновение с Россией и предпочли добиваться прямых переговоров с Петербургом. В начале 1866 года произошло новое обострение, когда Черняев, не имея разрешения из столицы, отправил посольство в Бухару и оно было там задержано. Результатом стало очередное раздражение в Петербурге, о чём Валуев также упоминает в своём дневнике 4 февраля (16-го по григорианскому календарю) 1866 года.²⁷ Даже Милютин, обычно терпимый к инициативам Черняева, выразил недовольство этой его самодеятельностью.²⁸ А тот, в очередной раз решив действовать на опережение, предпринял военный поход на город Джизак, но потерпел неудачу. Вскоре Черняев был отозван из Туркестана, и на замену ему прибыл генерал-майор Д. И. Романовский, который продолжил наступательную стратегию, но уже в согласии с указаниями Петербурга.

26 Терентьев, *История завоевания*: 323.

27 *Дневник П. А. Валуева*. Том II: 100.

28 *Воспоминания Милютина*: 119–122.

3 Почему и для чего?

Таким образом, в более широком контексте всё рассуждение Валугева прочитывается вовсе не как восхищение и восторг, а как критика. Причём два обычно опускаемых средних предложения в цитате, стилистически ломающих афористичность сказанного, усиливают эту критику и делают более явной. Собственно говоря, именно так прочитывают оригинальную фразу профессиональные историки, в отличие от блогеров и журналистов, увидевших в словах «Половцова» преимущественно позитивную реакцию.

Советские и российские историки много раз цитировали слова Валугева. Авторы монографии «Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России» (1984) видели в них указание на то, что для петербургской элиты ситуация в регионе выглядела неясной и вызывала споры.²⁹ Олег Айрапетов в монографии «Внешняя политика Российской империи» (2006), приводя эту цитату, говорит, что «известие о взятии Ташкента оказалось совершенно неожиданным для русского правительства».³⁰ В упомянутой статье о дебатах по поводу политики в Центральной Азии (статья была написана ещё в советское время, но опубликована только в 2008 году) Зайончковский цитирует в том числе и Валугева, правда неправильно называя дату – 20 июня вместо 20 июля.³¹ Исследователь интерпретирует слова Валугева как отрицательное отношение к захвату Ташкента, не уточняя, впрочем, с чем именно был, по его мнению, не согласен министр внутренних дел. Все перечисленные историки упоминают лишь первые предложения обсуждаемой дневниковой записи, опуская всю конкретику и фразу с «эротическим» и никак не высказываясь по поводу значения последней, видимо не зная, как соединить её смысл со своими аргументами.

В разных своих вариациях, но уже с непременным упоминанием слова «эротическое», указанная цитата встречается и в череде современных академических и историко-популярных публикаций в России и Узбекистане, однако, как правило, без специального её объяснения и

29 Н. С. Киняпина, М. М. Блиев и В. В. Дегоев, *Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.* (Москва: Издательство Московского университета, 1984): 277.

30 О. Айрапетов, *Внешняя политика Российской империи (1801–1914)* (Москва: Европа, 2006): 291.

31 Зайончковский, «К вопросу завоевания»: 55.

комментирования.³² Так, в своей статье об Александре II историк Лариса Захарова воспроизвела эту часть записи Валуева лишь в доказательство того, что император разделял идею завоевания Центральной Азии, хотя оно и не всегда происходило по намеченному плану.³³

Дневниковая запись Валуева была замечена и особо отмечена в ряде академических публикаций на немецком и английском языке, затрагивающих историю завоевания Центральной Азии. Дитрих Гейер, процитировав в книге «Российский империализм» (1977) предложения «Никто не знает, почему и для чего» и «Есть нечто эротическое во всём, что у нас делается на отдалённой периферии империи», интерпретировал эти слова как доказательство иррационального инстинкта, который толкал имперских политиков и военных к новым завоеваниям, особенно на юге.³⁴ В том же духе – как пример фатальности имперского расширения – трактовал запись Валуева историк Милан Хаунер.³⁵ Позднее историк Давид Схиммельпеннинк ван дер Ойе воспроизвёл часть интересующей нас цитаты вместе с «эротическим» и иронически охарактеризовал фразу как «самое креативное предположение». Отталкиваясь среди прочего и от этой фразы, взятой из опубликованных дневников, он полагал, что российские завоевания не следовали какому-то одному плану, а часто совершались амбициозными офицерами, стремившимися сделать карьеру и действовавшими на своё усмотрение.³⁶

32 См., например: А. Ю. Быков, «К вопросу об автономии сибирских властей в решении международных проблем в середине XIX в. (на примере присоединения Туркестанского края)» в *Сибирь в системе международных связей* (Томск: Издательство Томского университета, 2001): 25; К. Миньяр-Белоручев, «Власть пространства и власть над пространством: территориальный рост США и России в XIX в.» *Власть* 5 (2010): 123; А. Зубов, «Лекция 61. Присоединение Центральной Азии. Среднеазиатские ханства», [без даты]. <https://abzubov.com/russia/xix/lecture061>; В. Фетисов, «Лев Ташкента. Михаил Григорьевич Черняев. Глава девятая». *Новости Узбекистана* 02.06.2023, <https://nuz.uz/2023/06/02/lev-tashkenta-mihail-grigorevich-chernyaev-glava-devyataya/?ysclid=ltifqg853a740617845>.

33 Л. Г. Захарова, «Александр II». *Вопросы истории* 6–7 (1992): 72.

34 D. Geyer, *Der russische Imperialismus: Studien über d. Zusammenhang von innerer u. auswärtiger Politik 1860–1914* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977): 74.

35 M. Hauner, *What is Asia for us? Russian's Asia heartland yesterday and today* (London, Boston, Sydney, and Wellington: Unwin Hyman, 1990): 45. Часть этой книги, в том числе слова Валуева, была вскоре издана на русском языке: М. Хаунер, «Что такое для нас Азия?» *Проблемы Восточной Европы* 35–36 (1992): 159.

36 D. Schimmelpenninck van der Oye, «Russian Foreign Policy. 1815–1917» in *Cambridge History of Russia*. Vol. II. Ed. D. Lieven (Cambridge, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 2006): 563–564.

В недавно опубликованной книге «Российское завоевание Центральной Азии» Александр Моррисон, используя вышедшее в 1961 году издание дневников Валуева, цитирует сокращённую версию записи из дневника – первое, второе и пятое предложения – и тоже интерпретирует её как критику местных чиновников и военных вроде Черняева.³⁷ В «bon mot» (так историк назвал фразу с упоминанием «эротического») Моррисон видит ошибочное объяснение овладения Ташкентом как «случайности, вызванной амбициозными людьми на месте, могущественными “местными атаманами”, жаждущими славы, медалей и продвижения по службе».³⁸

Соглашаясь с хорошо разобранным и доказанным тезисом Моррисона, что завоевание не было «неожиданным или несанкционированным»,³⁹ я, однако, предложил бы более нюансированное толкование того, что имел в виду сам Валуев. На мой взгляд, предметом его критики была, помимо самостоятельности Черняева, ещё и противоречивая, несогласованная и непоследовательная политика Петербурга. В своём дневнике Валуев по другим поводам подробно писал о порочности такого порядка управления, при котором генерал-губернаторы «постоянно стремились не только к относительной самостоятельности, но и к полной независимости» и не понимали, что «при таком просторе, таком значении ген.-губернаторской власти» невозможно «согласовывать и приводить в систему» государственные решения.⁴⁰ Причины этой проблемы Валуев видел, во-первых, в личных отношениях между генерал-губернаторами и императором, который их назначал и к которому они часто напрямую обращались, а во-вторых, во вредных, как выражался сам Валуев, действиях военного министра Милютина, лоббировавшего идею соединения гражданской и военной властей и проводившего «крайние» политические решения, что одобрял опять же Александр II.⁴¹ Валуев также критиковал характер отношений между разными министерствами, когда каждое из них вырабатывало свою собственную политику, не всегда считаясь с остальными.⁴² В 1876 году, будучи министром государственных имуществ, он не раз возвращался к критике самостоятельных поступков Черняева, неформально поощряемых Петербургом. Выехав в Сербию и

37 Morrison, *The Russian Conquest*: 20, 216. См. также: A. Morrison, “Nechto eroticheskoe, ‘courir après l’ombre’? – logistical imperatives and the fall of Tashkent, 1859–1865”. *Central Asian Survey* 33/2 (2014): 153–169.

38 Morrison, *The Russian Conquest*: 20–21.

39 Ibid.: 216–254.

40 *Дневник П. А. Валуева*. Том 1: 321 (Прим. 18).

41 Ibid.: 322 (Прим. 18).

42 Ibid.: 322–323 (Прим. 18).

став там главнокомандующим в войне с Османской империей, Черняев своими действиями спровоцировал обострение конфликта на Балканах и в итоге втягивание в него России. По этому поводу Валуев с раздражением писал: «Чего, собственно, хочет и что делает русское правительство, остаётся в тумане, и едва ли не есть туман. Ген. Черняев в настоящую минуту предопределяет судьбы России».⁴³

В начале 1860-х годов министр внутренних дел Валуев не был, судя по всему, напрямую вовлечён в обсуждение планов в Центральной Азии, сфера его ответственности на это не распространялась. Тем не менее он находился в постоянном общении с высшими чиновниками империи, был в курсе всех событий и реакции на них и имел сведения из первых рук о том, что и как происходит. Во всём, что делалось в этом южном регионе, ему виделись не продуманная политика правительства и не следование интересам государства, а влияние отдельных лиц как в Петербурге, так и на далёкой периферии. В этом смысле острота критики, которую мы прочитываем в обсуждаемой цитате, было направлено не только на «местных атаманов», но и на сам имперский центр, чьи действия в Центральной Азии вытекали не из ясного понимания «почему и для чего», а из ситуационной конфигурации личных отношений и предпочтений. Валуев был не против взятия Ташкента. Недаром позже он, к примеру, одобрительно называл того же Крыжановского «собственно первым покорителем Средней Азии».⁴⁴ Однако его возмущало, что подобные решения принимались отнюдь не в результате бюрократически обоснованной, выработанной общими усилиями, утверждённой и планомерно проводимой политики.

4 Амур и Уссури

Упоминание вместе с Ташкентом ещё Амура и Уссури, сделанное Валуевым в заключительном предложении рассматриваемой дневниковой записи, дополняет и усиливает критический пафос: его направленность уже не ограничивается только личными качествами отдельных политиков, а становится более широкой. Здесь имелась в виду деятельность восточно-сибирского генерал-губернатора Николая Николаевича Муравьёва-Амурского на Дальнем Востоке, вызвавшая множество дискуссий в Петербурге. Подробное описание этих событий и их обсуждений

43 *Дневник П. А. Валуева*. Т. II: 390.

44 П. А. Валуев, *Дневник 1877–1884* (Петроград: Былое, 1919): 181.

можно найти, например, в большой статье П. Шумахера «К истории приобретения Амура».⁴⁵

История эта началась задолго до назначения Валуева министром внутренних дел. В 1849 году Комитет министров принял решение исследовать устье реки Амур и выяснить, может ли она стать судоходным путём из Сибири на Дальний Восток с выходом далее к морским маршрутам. Чтобы не обострять отношений с Цинским Китаем (от чего предостерегал министр иностранных дел Карл Васильевич Нессельроде), решение было сформулировано очень осторожно. Предполагалось найти удобное место в стороне от устья Амура и заложить там постоянный посёлок под управлением Российско-Американской компании, а не непосредственно государства. Данный посёлок мог бы стать наблюдательным пунктом и форпостом России в столь отдалённом регионе. С этой целью был отправлен корабль «Байкал» под командованием капитан-лейтенанта Геннадия Ивановича Невельского. Назначенный недавно генерал-губернатором края Муравьёв, под чей контроль была передана эта экспедиция, поддерживал, однако, более решительную линию поведения в регионе, вольно или невольно подталкивая Невельского к нарушению формальной инструкции из Петербурга.

Невельский успешно провёл исследование и обнаружил проход из Амура в море, но заложил в 1850 году не один, а два посёлка. Причём расположил второй, Николаевский пост (нынешний Николаевск-на-Амуре), прямо в устье реки, при этом здесь был поднят российский флаг, что символизировало принадлежность данной территории Российской империи. Такая несанкционированная самостоятельность вызвала в Петербурге бурю негодования, министры иностранных дел, финансов и военный министр предлагали отменить самоуправные действия и наказать нарушителя. Морской же министр, в подчинении которого был Невельский, и Муравьёв высказались в его поддержку, Николай I встал на их сторону и тогда якобы произнёс свою знаменитую фразу «Где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не должен».⁴⁶

45 П. Шумахер, «К истории приобретения Амура. Сношения с Китаем с 1848 по 1860 гг.» *Русский архив* 9 (1878): 257–342. См. также: И. Барсуков, *Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии)*. Книга 1 (Москва: Синодальная типография, 1891); А. В. Ремнёв, *Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков* (Омск: Издательство Омского государственного университета, 2004): 175–183.

46 *Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России. 1849–55 г. При-Амурский и При-Уссурийский край. Посмертные записки адмирала Невельского* (Санкт-Петербург: Русская скоропечатня (Л. С. Нахимова), 1878): 114.

Крымская война и активные действия англо-французского флота в прибрежных водах Дальнего Востока стимулировали более агрессивное освоение и присвоение территорий Приамурья. Генерал-губернатор Муравьёв, чувствуя поддержку со стороны монарха, стал энергично осуществлять сплав кораблей по Амуру, основывать новые посты и перемещать туда на поселение российских колонистов. В 1856 году была создана Приморская область без чётко обозначенных границ, что позволяло теперь административно поглощать новые территории. Расширение российского присутствия в регионе вызвало дипломатический конфликт с Цинской империей, Пекин требовал начать переговоры о границах напрямую с Петербургом. В ответ российские чиновники на месте, которым были переданы полномочия вести переговоры, использовали целый арсенал увещеваний и угроз, включая даже возможность закрытия российской торговли с Китаем. Разрешился этот конфликт в 1858 году Айгунским договором: Китай, испытывавший в то время военное давление со стороны Британии и Франции, вынужден был подписать его, чтобы не открывать новый фронт. По этому соглашению весь левый берег Амура переходил в полное владение Российской империи. Муравьёв получил почётный титул «граф Амурский» и дальше продолжил политику захвата теперь уже Уссурийского края по правую сторону Амура. В 1860 году Цинский Китай подписал Пекинский договор, согласно которому эта новая территория тоже становилась российской.

Помимо краткого упоминания «Амур, Усура» Валуев в своих дневниках подробно об этих событиях не высказывался. Лишь однажды, в дневнике 1859 года, он отметил, что «китайцы предоставили определение наших границ произволу гр[афа] Муравьёва»,⁴⁷ в чём можно услышать ироничный или даже критический намёк. Пусть и не проявляя своего мнения о событиях на Дальнем Востоке, Валуев, конечно, был в курсе того, что там происходит, он получал, уже будучи министром, критические письма о ситуации в регионе и не мог не знать о публичной полемике, которая развернулась в конце 1850-х и начале 1860-х годов по поводу излишне самостоятельных действий Муравьёва-Амурского и весьма печального положения дел в Приамурье.⁴⁸

47 «Дневник графа Петра Александровича Валуева 1847–1860 гг.» *Русская старина* 9 (1891): 552.

48 Ремнёв, *Россия Дальнего Востока*: 131–134, 203–216; M. Bassin, *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004): 233–260.

В академических исследованиях истории Дальнего Востока высказывания Валуева упоминаются редко, поскольку он напрямую к региону не обращался и не был заметной фигурой в момент присоединения того к империи. Обсуждаемая нами цитата из дневника Валуева в связи именно с Дальним Востоком встретила мне только один раз: опустив третье и четвертое предложения, Ю. Ульянникова приводит её как пример непонимания «столичными бюрократами» и «западниками» «целей продвижения на Восток».⁴⁹ В этом случае Валуеву предъявляется обвинение в том, что он недооценивал значение полезных усилий Муравьёва-Амурского, – обвинение, подразумевающее, пусть и с обратным знаком, по сути ту же самую интерпретацию его фразы как критики действий исключительно местных чиновников и военных. По-видимому, и здесь объяснение смысла сказанного министром внутренних дел могло бы быть более контекстуализированным и включать указание на критику несогласованной политики Петербурга.

Два примера завоевания, на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, были отделены друг от друга и временем, и пространством. Действовавшие в этих случаях российские ведомства и акторы были разными, противостоящие России стороны не походили одна на другую, и военная сила использовалась против них не в одинаковой степени. Тем не менее Валуев связал между собой эти два региона и две истории, увидел в них общую закономерность и общую логику развития событий. С его точки зрения, оба случая были схожи, с одной стороны, в том, как взаимодействовали между собой разные министерства и ключевые фигуры в Петербурге, а с другой – как взаимодействовали центр и разного рода местные чиновники, начиная от дипломатических посланников, командиров кораблей или военных отрядов и заканчивая генерал-губернаторами. В обоих примерах министр внутренних дел находил, судя по всему, отсутствие единой и систематической политики, несоблюдение уже принятых правил и подмену общих интересов государства интересами отдельных людей или институтов. Эта критика была созвучна многим другим скептическим высказываниям современников по поводу непродуманности и поспешности решений о присоединении новых – далёких и малоизученных – территорий к империи. Но ещё раз подчеркну, что Валуев высказывался не против самих завоеваний, а против того, как этот процесс происходил – хаотично и непредсказуемо.

49 Ю. Ульянникова, «Чужие среди чужих, чужие среди своих: Русско-японская война и эвакуация Сахалинской каторги в контексте имперской политики на Дальнем Востоке». *Ab Imperio* 4 (2010): 175.

5 Эротическое или, может быть, эрратическое?

Таким образом, всё рассуждение Валуева по поводу «Амура, Уссуры, теперь Ташкента» является критикой российской политики, а никак не одобрением её. Однако остаётся вопрос, что же означали тогда слова «нечто эротическое» в предпоследнем предложении. Сегодня это выражение часто понимается как «нечто возбуждающее» и несёт при таком прочтении скорее позитивный, нежели отрицательный оттенок. Причём если цитата сокращается и из неё исключают третье, четвертое и шестое предложения, то критический смысл сжимается и в афоризме ещё чаще видят именно восхищение. Как же понять это явное противоречие в логике высказывания? Что подразумевал Валуев, когда говорил об «эротическом»?

Можно предположить, например, что слово «эротическое» в XIX веке имело несколько иные, чем сегодня, коннотации, то есть мы совершаем ошибку в тот момент, когда переводим его как «возбуждающее». Слово пришло в русский язык из французского, причём последний был фактически родным языком российской элиты в начале и середине позапрошлого столетия. Валуев в своём дневнике нередко сам переходит на французский или цитирует высказывания своих российских собеседников, произнесённые на этом языке. Русские и французские словари XIX века содержат слово «эротический/erotique», но действительно не в смысле «возбуждающий». Тем не менее нам этот факт помогает мало, ведь тогда почти единственным значением остаётся «любовный»,⁵⁰ однако фраза «Есть нечто любовное во всём, что у нас делается на отдалённой периферии империи» была бы совсем непонятной и непере译имой. Совершенно неясно, что любовного можно увидеть в аресте бухарских купцов и товаров. К тому же странно, почему строгий и исполнительный чиновник, умеющий находить точные, но осторожные слова, вдруг избирает именно такую чувственную фигуру речи для своего политического и даже бюрократического, как я пытался показать, рассуждения. Проверив весь дневник Валуева, я убедился, что в нём больше ни разу не встречаются ни «эротический», ни «эротика».

Около десятка лет тому назад в частных разговорах я высказал предположение, что «эротическое» является здесь ошибочным прочтением слова «эрратическое». Во французском языке, откуда последнее могло

⁵⁰ В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*. Том 4 (Москва: Прогресс, 1994): 1538; Н. П. Макаров, *Полный французско-русский словарь*. Часть 1 (Санкт-Петербург: Издание Н. П. Макарова, 1887): 405; È. Littré. *Dictionnaire de la langue française*. Т. 10 (Paris: Paris Hachette, 1883): 1480.

быть заимствовано, оно означало «неправильный, беспорядочный, шаткий, перелётный, разгуливающий».⁵¹ Смысл фразы Валуева в таком случае был бы следующим: «Есть нечто беспорядочное/шаткое во всём, что у нас делается на отдалённой периферии империи». При таком значении предложение становится совершенно ясным и полностью вписывается в общую канву разбираемого высказывания, в котором, напомним, критически оценивается то, как происходит завоевание Центральной Азии (а также «Амура, Уссуры»). Термин «беспорядочное» как раз передаёт сдержанно-критическую, неодобрительную интонацию, а не восхищение и восторг, совершенно лишние в подобной фразе. Я высказал это предположение Александру Моррисону, о чём он сообщил в своей книге о российском завоевании Центральной Азии, правда по неточности приписав данную гипотезу покойному историку А. В. Ремнёву, с которым я её обсуждал и который любил устно цитировать эту фразу именно с версией «эротическое».⁵²

В подмене «эрратического» «эротическим» нет ничего невозможного. В дневниках Валуева, начиная 1847-м и заканчивая 1886 годом, понятие «эрратический» нечасто, но, в отличие от «эротики», всё-таки встречается. В одном случае, когда он рассуждает о своей неровной чиновничьей траектории – о том, что одни чиновники движутся по предсказуемой планетарной орбите вокруг императорского двора, а другие, как сам Валуев, – по кометной, то сближаясь с солнцем, то отдаляясь от него, «резко и эрратично».⁵³ В другом случае он пишет об «эрратических» – или неформальных, по смыслу этой опять же неодобрительной фразы, – «движениях», которые совершают некоторые близкие к царскому двору чиновники, конкурируя за должности.⁵⁴ В третьем – говорит, что «egatisa множится», и упоминает «эрратический ход дел», имея в виду неопределённость политической ситуации и её неожиданное, хаотическое развитие сразу после гибели Александра II в 1881 году.⁵⁵ Во всех этих случаях данное слово выражает эмоциональное неудовольствие, расстройство, что вполне схоже с тем, как могла бы выглядеть фраза «Есть нечто эрратическое во всём, что у нас делается на отдалённой периферии империи». В качестве главного объяснения, почему «эрратическое» могло

51 Макаров, *Полный французско-русский словарь*: 405; Littré, *Dictionnaire*: 1481.

52 Morrison, *The Russian Conquest*: 216 (Note 3).

53 *Дневник П. А. Валуева*. Т. II: 321.

54 Валуев, *Дневник 1877–1884*: 79.

55 *Ibid.*: 156, 157.

стать «эротическим», я допускал, что Валуев по недосмотру написал это слово с одним «р» – «эратическое», а потому расшифровщики текста, готовившие издание дневников, могли легко ошибиться в прочтении, «а» приняли за «о». В итоге «эрратическое» через такую двойную ошибку превратилось в «эротическое».

Предположение, впрочем, оставалось предположением. Я считал, что очевидность ошибки видна невооружённым глазом. Но, замечая растущую популярность афоризма, я решил наконец выяснить, была ли ошибка на самом деле и если была, то кто же всё-таки её совершил. Для этого понадобилось обратиться к аутентичным дневникам Валуева, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации.⁵⁶ На фото можно увидеть, как выглядит оригинал обсуждаемой записи, и при некоторой сноровке ясно прочесть, что именно написал сам Валуев (см. илл. 2):

Ташкент взят ген. Черняевым. Никто не знает, почему и для чего. Между тем по телеграфу получено от ген. Крыжановского на основании настояний Черняева требование заарестовать все бухарские караваны, товары и пр. М[инисте]р[ст]ва финансов и военное недоумевают. Есть нечто эрратическое во всём, что у нас делается на отдалённой периферии империи. Амур, Уссури,⁵⁷ теперь Ташкент.

Слово, которое в издании дневников Валуева, опубликованном в 1961 году, выглядит как «эротическое», в оригинале написано с двумя «р» и однозначно прочитывается как «эрратическое». Замена одного слова другим возникла, следовательно, в результате неверного прочтения во время подготовки издания, а не по причине невнимательности самого автора цитаты. Проблему противоречия в написанной Валуевым фразе можно считать окончательно снятой.

56 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2587 (Дневник П. А. Валуева). Кн. IV. Л. 58. Я признателен Ивану Баранцеву за помощь в поиске этого текста.

57 Оригинальная запись позволяет, на мой взгляд, читать «Уссури» вместо «Уссура».

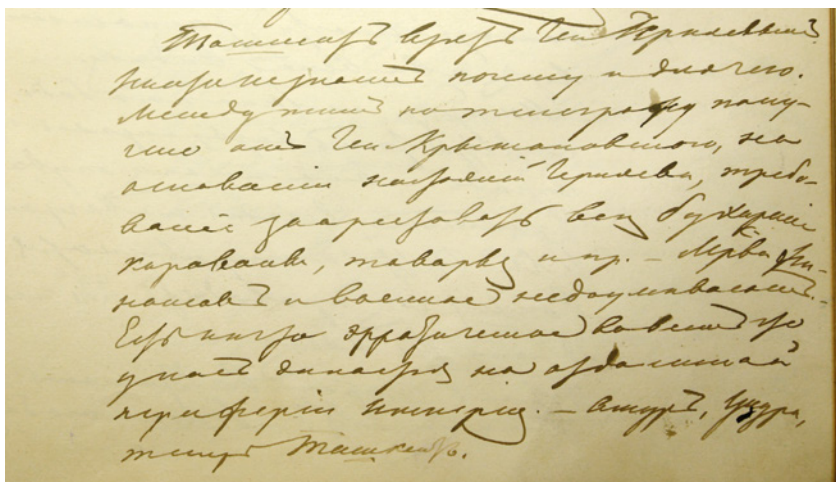

ИЛЛЮСТРАЦИЯ 2 Запись в дневнике П. А. Валуева от 20 июля 1865 года
ИСТОЧНИК: ГАРФ. Ф. 728. ОП. 1. Д. 2587. КН. IV. Л. 58

6 Подведу итог расследования

В оригинальной записи П. А. Валуева в дневнике от 20 июля 1865 года о взятии Ташкента ничего «эротического» нет. Сам Валуев ясно написал «эрратическое». Спустя почти сто лет, в 1961 году, издатели дневников Валуева допустили досадную ошибку при расшифровке текста и опубликовали искажённый вариант записи. Сама она, и в том числе ошибочная часть, привлекла большое внимание исследователей, которые воспроизводили её в своих академических работах в качестве реального высказывания Валуева. Причём слово «эротическое» вызывало иронические замечания как случай необычного и яркого самоописания имперской политики. В последнее время эта цитата, ещё больше изменившись, стала популярной в медиасфере, среди блогеров, журналистов и околополитических экспертов. Она даже была приписана другому автору – Половцову – и тем не менее превратилась в расхожий афоризм, который воспринимается как реальное высказывание. При этом восприятие её стало другим: вместо иронии в ней, особенно в словах «нечто эротическое», увидели восхищение. Таким образом, первоначальная запись, не в последнюю очередь из-за ошибки прочтения в одном слове, повлекла за собой длинный шлейф трансформаций и комментариев.

Из чего же сложилась такая широкая, выросшая за последние десять лет, медийная популярность переделанной фразы, написанной Валугевым почти сто шестьдесят лет назад и около ста лет спустя опубликованной Зайончковским? Этот вопрос выходит за узкие рамки настоящего текста, но я попробую сформулировать некоторые свои соображения. Распад СССР актуализировал ностальгию по имперскому прошлому, стимулировал рост интереса к истории Российской империи как к эпохе успеха России, её возвышения, могущества и расширения. Такие настроения постепенно распространялись уже в позднесоветское время, а с отказом от официальной советской идеологии и вовсе стали мейнстримом. Политика же реванша, которая насаждалась в Российской Федерации в последние десятилетия, превратила ностальгию по великодержавию в актуальное чувство величия и особых прав нынешней России на всё имперское наследие.

Слова «Ташкент взят» при таком ностальгирующем взгляде являются метонимией империи вообще. Валугевская фраза «Ташкент взят ген. Черняевым» упала на благодатную почву огромного дискурсивного пласта российской культуры, уже сформировавшего массу стереотипов. Литературовед Элеонора Шафранская назвала его «ташкентским текстом», в нём оказались вместе «Господа ташкентцы» Салтыкова-Щедрина, который использовал образ Ташкента как метафору имперского самодовольства, и «Ташкент – город хлебный» Неверова с его сказкой о далёкой экзотике, изобилии и спасении.⁵⁸ Образ империи как «взятого Ташкента» обладает именно той двусмысленностью, какую вкладывают медийные эксперты в обсуждаемую здесь цитату: это и гордость за державу, которая смогла подчинить многочисленные территории и народы, и в то же самое время удивление перед расточительством сил и отсутствием рациональности при завоевании новых земель. Ёмкая фраза, написанная царским чиновником, если её сократить и избавить от лишних деталей, даёт и сейчас материал или точку отсчёта для продолжающегося и обострённого спора о неизбежности и необходимости империи.

Впрочем, одной только отсылки к империи и «ташкентскому тексту», видимо, мало, чтобы объяснить популярность афоризма. Здесь нужна была ещё изюминка, которая придавала бы серьёзной дискуссии привлекательную форму. Такой изюминкой и стало, судя по всему, слово «эротическое», ошибочно появившееся в советском издании дневника

58 Э. Ф. Шафранская, *Ташкентский текст в русской культуре* (Москва: Арт-Хаус Медиа, 2010).

Валуева. Если при внимательном академическом чтении полной цитаты термин «эротическое» воспринимается как всего лишь противоречие и загадка, которые лучше оставить за скобками анализа, то для афористического использования именно это слово оказывается центральным элементом. В имперском воображении отношения между метрополией и периферией нередко изображаются как сексуализированные отношения мужского и женского начал.⁵⁹ Колониальная эротика подчёркивает, с одной стороны, мужественность и силу империи, с другой – природный и естественный её характер. И хотя в самой Российской империи такого рода публичное эротическое воображение было скромным, сегодняшний взгляд задним числом оценивает его как значимое и существенное.⁶⁰ По-моему, во многом благодаря именно этой ошибочно возникшей метафоре фраза Валуева соединила в себе сразу несколько важных риторических тропов и привлекла широкое внимание и в академической среде, и за её пределами.

В отличие от видоизменённых и укороченных версий цитаты, включающих слово «эротическое», подлинная фраза с «эратическим», конечно, лишена необычности, пикантности и выглядит не так привлекательно. Она теряет те смыслы, которые присутствовали в усечённой и фальсифицированной фразе, – восхищение империей, мужественностью имперских героев и неизбежностью имперских устремлений. Точно можно утверждать, что в той записи, какую сделал в своём дневнике 20 июля (по старому календарю) 1865 года министр внутренних дел Российской империи, он не приписывал «взятию Ташкента» ничего из этого. Напротив, высокопоставленный чиновник, отражая, видимо, настроения значительной части политической и общественной элиты в России, высказался крайне критически по поводу того, как осуществляется российская политика в Центральной Азии, как случайно и несогласованно, волей отдельных людей, находящихся в Петербурге и на самой «периферии», принимаются в государстве решения, приводящие к важным политическим последствиям, финансовым и людским потерям, международным обострениям. Такое развитие событий Валуев с неодобрением характеризовал как непредсказуемое и беспорядочное. Иначе говоря, его позиция

59 M. Alloula, *The Colonial Harem* (Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1986).

60 L. S. Zhigunova, "Empire's Erotic Conquest: Circassian Women in Russian Romantic Literature". *Горизонты гуманитарного знания* 6 (2018): 178–203.

была полностью противоположна распространённым интерпретациям цитаты, которая, став крылатым выражением, тиражируется сегодня в российском медиапространстве.

Bibliography

Archives

Государственный архив Российской Федерации. Фонд 728. Опись 1. Дело 2587 (Дневник П. А. Валуева). Книга IV. Лист 58.

Published Sources

- Alloula, Malek. 1986. *The Colonial Harem*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press.
- Bassin, Mark. 2004. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Geyer, Dietrich. 1977. *Der russische Imperialismus: Studien über d. Zusammenhang von innerer u. auswärtiger Politik 1860–1914*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Hauner, Milan. 1990. *What is Asia for us? Russian's Asia heartland yesterday and today*. London, Boston, Sydney, and Wellington: Unwin Hyman.
- Littre, Émile. 1883. *Dictionnaire de la langue française*. T. 10. Paris: Paris Hachette.
- MacKenzie, David. 1974. *The Lion of Tashkent: The Career of General M. G. Cherniaev*. [Athens]: University of Georgia Press.
- Morrison, Alexander. 2020. *The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Morrison, Alexander. 2014. 'Nechto eroticheskoe', 'courir après l'ombre'? – logistical imperatives and the fall of Tashkent, 1859–1865. *Central Asian Survey* 33/2: 153–169.
- Schimmelpenninck van der Oye, David. 2006. Russian Foreign Policy: 1815–1917. In *Cambridge History of Russia*. Vol. 11, ed. Dominic Lieven. Cambridge, New York, Melbourne: Cambridge University Press: 554–574.
- Zhigunova, Lidia. 2018. Empire's Erotic Conquest: Circassian Women in Russian Romantic Literature. *Горизонты гуманитарного знания* 6: 178–203.
- Абаза, Константин Константинович. 1902. *Завоевание Туркестана*. Санкт-Петербург: [Без изд.].
- Айрапетов, Олег. 2006. *Внешняя политика Российской империи (1801–1914)*. Москва: Европа.
- Барсуков, Иван. 1891. *Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии)*. Книга 1. Москва: Синодальная типография.

- Быков, Андрей Юрьевич. 2001. К вопросу об автономии сибирских властей в решении международных проблем в середине XIX в. (на примере присоединения Туркестанского края). *Сибирь в системе международных связей*. Томск: Издательство Томского университета: 24–25.
- Валуев, Пётр Александрович. 1891. Дума русского (во второй половине 1855 года). *Русская старина* 5: 349–359.
- Валуев, Пётр Александрович. 1919. *Дневник 1877–1884*. Петроград: Былое.
- Воспоминания. 2003. *Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864*. Москва: РОССПЭН.
- Гетманский, Александр Эдуардович. 2002. Пётр Александрович Валуев. *Вопросы истории* 6: 58–86.
- Даль, Владимир. 1994. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Том 4. Москва: Прогресс.
- Дневник. 1891. Дневник графа Петра Александровича Валуева 1847–1860 гг. *Русская старина* 9: 547–562.
- Дневник. 1961. *Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел: В 2 т.* Том 1–11. Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Дубровский, Александр. 25.04.2022. Шутки кончились, время активировать инстинкт самосохранения Запада. <https://worldcrisis.ru/crisis/4062568?ysclid=lrhs2s7yq9275756867>. Последнее посещение 08 марта 2024 года.
- Зайончковский, Пётр Андреевич. 1961. П. А. Валуев (биографический очерк). *Дневник П. А. Валуева*. Том 1. Москва: Издательство Академии наук СССР: 17–54.
- Зайончковский, Пётр Андреевич. 1966. А. А. Половцов. Биографический очерк. В кн.: А. А. Половцов. *Дневник государственного секретаря: В 2 т.* Том 1. Москва: Наука: 7–20.
- Зайончковский, Пётр Андреевич. 2008. К вопросу завоевания Средней Азии. *Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка*. Москва: РОССПЭН: 36–95.
- Записка. 2007. Записка П. А. Валуева Александру II «Общий взгляд на положение дел в Империи с точки зрения охранения внутренней безопасности государства». *Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX – начале XX вв. Документы и мемуары государственных деятелей*. Составитель Леонид Ефимович Шепелёв. Санкт-Петербург: Спас, Лики России: 131–138.
- Захарова, Лариса Георгиевна. 1992. Александр II. *Вопросы истории* 6–7: 58–79.
- Зубов, Андрей. [Без даты]. Лекция 61. Присоединение Центральной Азии. Среднеазиатские ханства. <https://abzubov.com/russiaxix/lecture061>. Последнее посещение 09 марта 2024 года.
- Извлечения. [1899]. Извлечения из донесений генерала Черняева 1865–1866 гг. *Русский Туркестан*. Выпуск III: Приложения. [Ташкент]: Типография «Русский Туркестан»: 84–98.

- Калишевский, Михаил. 23.06.2010. Инициатива генерала Черняева. К 145-летию «Взятия Ташкента». <https://www.fergananews.com/articles/6628>. Последнее посещение 23 февраля 2024 года.
- Киняпина, Нина Степановна, Марк Максимович Блиев и Владимир Владимирович Дегоев. 1984. *Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.* Москва: Издательство Московского университета.
- Макаров, Николай Петрович. 1887. *Полный французско-русский словарь*. Часть 1. Санкт-Петербург: Издание Н. П. Макарова.
- Мартенс, Фёдор Фёдорович. 1880. *Россия и Англия в Средней Азии*. Санкт-Петербург: Э. Гартъе п/ф Кн. скл. «Рос. библиографа».
- Миньяр-Белоручев, Константин. 2010. Власть пространства и власть над пространством: территориальный рост США и России в XIX в. *Власть* 5: 121–125.
- Окраины России. 16.05.2023. <https://troitsa1.livejournal.com/2954230.html>. Последнее посещение 08 марта 2024 года.
- Подвиги. 1878. *Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России. 1849–55 г. При-Амурский и При-Уссурийский край. Посмертные записки адмирала Невельского*. Санкт-Петербург: Русская скоропечатня (Л. С. Нахимова).
- Половцов, Александр Александрович. 2022. *Дневник. 1859–1882: В 2 т.* Том 1. Москва: Фонд «Связь эпох».
- Ремнёв, Анатолий Викторович. 2004. *Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX–начала XX веков*. Омск: Издательство Омского государственного университета.
- Ремнёв, Анатолий Викторович. 2010. *Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века)*. Москва: РОССПЭН.
- Серебренников, Андриан Георгиевич. 1914. *Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1865 год*. Часть 2. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа.
- Симоньян, Маргарита. 09.02.2020. @M_Simonyan. Последнее посещение 17 января 2024 года.
- Терентьев, Михаил Африканович. 1906. *История завоевания Средней Азии*. Том 1. Санкт-Петербург: Типография В. В. Комарова.
- Ульянникова, Юлия. 2010. Чужие среди чужих, чужие среди своих: Русско-японская война и эвакуация Сахалинской каторги в контексте имперской политики на Дальнем Востоке. *Ab Imperio* 4: 170–196.
- Фетисов, Владимир. 02.06.2023. Лев Ташкента. Михаил Григорьевич Черняев. Глава девятая. *Новости Узбекистана*. <https://nuz.uz/2023/06/02/lev-tashkent-mihail-grigorevich-chernyaev-glava-devyataya/?ysclid=ltifqg853a740617845>. Последнее посещение 09 марта 2024 года.

- Халфин, Нафтула Аронович. 1965. *Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.)*. Москва: Наука.
- Хаунер, Милан. 1992. Что такое для нас Азия? *Проблемы Восточной Европы* 35–36: 118–174.
- Шафранская, Элеонора Фёдоровна. 2010. *Ташкентский текст в русской культуре*. Москва: Арт-Хаус Медиа.
- Шумахер, Пётр. 1878. К истории приобретения Амура. Сношения с Китаем с 1848 по 1860 гг. *Русский архив* 9: 257–342.